

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ СССХХVII.

1900.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.

1900.

Словарь древняго славянскаго языка по Ф. Миклошичу, А. Х. Востокову, Я. И. Березникову и Г. С. Кочетову	13
И. Г. Виноградовъ, Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ . .	16

О ВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

К. Я. Гротъ. Н. А. Лавровскій (<i>некрологъ</i>)	1
Л. Н. Майковъ. Объ ученой дѣятельности А. Ф. Вычкова (<i>продолженіе</i>)	27
А. И. Загоровскій. О преподаваніи и изученіи гражданскаго права, въ связи съ нѣкоторыми другими, сюда относящимися вопросами. Глава I (<i>продолженіе</i>)	53
В. Р—въ. М. Н. Капустинъ (<i>некрологъ</i>)	81

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

M. Niedermann. Examinatur quae intercedat ratio temporum inter tres illas Demosthenis orationes quibus Olynthis a Philippo rege petitis subveniendum esse demonstravit	1
И. О. Анпенскій. Орестъ. Трагедія Еврипида. Переводъ съ греческаго	19

О ВЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ Э. Радловъ.

(Вышла 1-го января).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Н. А. ЛАВРОВСКИЙ.

(некрологъ).

Въ ночь съ 17-го на 18-е сентября не стало одного изъ крупныхъ и полезнѣйшихъ дѣятелей и двигателей русскаго просвѣщенія, одного изъ благороднѣйшихъ и честнѣйшихъ русскихъ людей—попечителя Рижскаго учебнаго округа и ординарнаго академика Императорской академіи наукъ Николая Алексѣевича Лавровскаго.

Онъ умеръ почти внезапно (какъ кажется, отъ грудной жабы) на любимой своей дачѣ въ селѣ Кочеткѣ (Харьковской губ., близъ Чугуева, гдѣ ежегодно проводилъ лѣтніе мѣсяцы) на рукахъ у своей единственной дочери ¹⁾. Наканунѣ онъ еще чувствовалъ себя прекрасно, гулялъ въ саду и долго сидѣлъ на балконѣ, наслаждаясь чуднымъ, теплымъ осеннимъ вечеромъ и забавляясь со своими внучатами.

Государство потеряло въ немъ одного изъ лучшихъ и опытнѣйшихъ своихъ дѣятелей на учебно-административномъ поприщѣ, педагогическій міръ—замѣчательнаго, прирожденнаго педагога, благотворное вліяніе котораго испытали на себѣ очень многіе среди уже дѣйствующихъ и еще подрастающихъ поколѣній русскихъ людей. русская наука—высоко-талантливаго и безкорыстнѣйшаго служителя, а вся Россія—одного изъ благороднѣйшихъ сыновъ своихъ, беззаветно преданнаго народнымъ и государственнымъ интересамъ и русскимъ національно-бытовымъ началамъ, непоколебимо вѣрившаго въ великое историческое призваніе своего отечества.

¹⁾ Н. И. Гротъ, вдова профессора Н. И. Грота.

Н. А. Лавровскій родился 21-го ноября 1825 г. въ селѣ Выдропускѣ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда. Отецъ его, сельскій протоіерей, видимо былъ озабоченъ дать сыновьямъ своимъ наилучшее образованіе ¹⁾, и тѣмъ обезпечить ихъ будущее, и вотъ Николай Алексѣевичъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Петромъ, извѣстнымъ славистомъ, — они были послѣдніе изъ 19 человѣкъ дѣтей, — по окончаніи курса въ Новоторжскомъ духовномъ училищѣ ²⁾, былъ отвезенъ осенью 1841 г. въ Петербургъ и опредѣленъ въ 1842 г. въ Главный Педагогическій институтъ, основанный въ 1828 г. и уже пользовавшійся тогда громкой извѣстностью. Эта высшая школа, подъ руководствомъ такого опытнаго и способнаго педагога, какимъ былъ Ѳ. И. Миддендорфъ, достигшая въ этотъ періодъ своего существованія замѣчательнаго процвѣтанія, подготовила цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей и работниковъ на разныхъ поприщахъ служенія отечеству, между которыми братьямъ Лавровскимъ принадлежитъ весьма почетное мѣсто. И Николай Алексѣевичъ, по собственному признанію, всецѣло обязанъ былъ столь счастливымъ развитіемъ своихъ духовныхъ силъ и своего характера — этой школѣ, ея продуманнымъ педагогическимъ приемамъ и порядкамъ, бдительному надзору и отеческой заботливости о воспитанникахъ, и вообще какъ всей учебной системѣ, такъ и строгой нравственной дисциплинѣ, въ ней заведеннымъ. Несомнѣнно, въ немъ отъ природы были превосходные задатки, которые уже подъ благотворнымъ влияніемъ семьи получили наилучшій толчокъ, но здѣсь былъ приобрѣтенъ тотъ несокрушимый высшій нравственный закалъ, который во всю жизнь отличалъ эту свѣтлую личность. Здѣсь же получили блестящее развитіе ученыя и педагогическія дарованія Николая Алексѣевича, сложились его убѣжденія, укрѣпились его глубокое національное чувство, горячая преданность родинѣ и потребность самоотверженно, вѣрой и правдой служить ей благу. Лавровскій всегда любилъ вспоминать съ живымъ чувствомъ

¹⁾ Мать Николая Алексѣевича была родная сестра матери Н. А. Вышнеградскаго, бывшаго министра финансовъ. Она, по отзывамъ близкихъ, была очень умная и строгая женщина, и ей принадлежала главная воспитательная роль въ семьѣ.

²⁾ По разсказу покойнаго, онъ въ училищѣ всегда лучше другихъ все зналъ, и такъ какъ онъ обыкновенно сидѣлъ въ углу, то одинъ учитель каждый разъ, когда кто-нибудь не могъ отвѣтить на заданный вопросъ, говорилъ: „А ну-ка Алексѣичъ изъ угла“!

признательности свое пребываніе въ институтѣ, своихъ профессоровъ и наставниковъ, начиная съ достойнѣйшаго директора.

Поступивъ на историко-филологическое отдѣленіе, Николай Алексѣевичъ съ неослабнымъ рвеніемъ и любознательностью предался учебнымъ занятіямъ, и тутъ уже сказались его широкая научная пытливость и разносторонніе умственные интересы. Онъ съ почти одинаковымъ увлеченіемъ занимался и классическими языками, и русскою словесностью и исторіей, и педагогикой, и благодаря этому онъ приобрѣлъ такую обширную эрудицію и такой широкой ученый кругозоръ. Этимъ объясняется и то, что онъ не сразу избралъ свою специальность.

Окончивши курсъ съ золотою медалью въ 1851 году, Николай Алексѣевичъ былъ тотчасъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта въ институтѣ по кафедрѣ греческой и латинской словесности и древностямъ. Но уже черезъ годъ (1852 г.) онъ, вслѣдъ за братомъ своимъ Петромъ Алексѣевичемъ, съ которымъ всегда былъ чрезвычайно друженъ и въ періоды разлуки велъ оживленную переписку, перешелъ въ харьковскій университетъ исправляющимъ должность адъюнкта по кафедрѣ педагогики, защитивъ передъ тѣмъ диссертацию на степень магистра русской словесности, а черезъ два года (январь 1855 г.) онъ уже удостоенъ былъ степени доктора славяно-русской филологіи и получилъ назначеніе экстраординарнаго профессора педагогики въ Главный Педагогическій институтъ, но по желанію своему былъ оставленъ въ Харьковѣ, и въ 1858 г. занялъ кафедру главнаго своего предмета, русской словесности, которую съ честью представлялъ въ теченіе 17-ти лѣтъ (до 1875 г.), пока не былъ призванъ къ новой дѣятельности.

Въ 1861 г. Николай Алексѣевичъ получилъ заграничную ученую командировку на 1½ года, но благодаря фатальному для него случаю онъ не могъ ею воспользоваться и долженъ былъ отказаться отъ „всѣхъ составленныхъ и воспитанныхъ для поѣздки предположеній и плановъ“ (какъ онъ писалъ къ брату, вернувшись изъ Берлина, куда усилъ доѣхать). Дѣло въ томъ, что передъ самымъ путешествіемъ онъ въ Твери, куда пріѣзжалъ повидаться съ матерью, сломалъ себѣ ногу. Какъ-какъ оправившись, онъ еще на костыляхъ (осенью 1861 г.) все-таки отправился за-границу, но больная нога неправильно сращенная и сильно болѣвшая, общее нездоровье и вслѣдствіе того чрезвычайно угнетенное состояніе духа заставили его уже въ октябрѣ, послѣ сильной внутренней борьбы, принять тяжкое для него рѣшеніе

возвратиться на родину... Понятно, какъ Николай Алексѣевичъ и тогда, и впоследствии глубоко жалѣлъ объ этой неудачѣ.

Объ успѣхахъ и зрѣлости ученыхъ занятій Лавровскаго еще въ стѣнахъ Педагогическаго института свидѣтельствуютъ нѣсколько работъ, изъ которыхъ— „Избраніе Михаила Федоровича на царство“ была помѣщена въ „Опытахъ историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго института“ шестого вып. (С.-Пб. 1852 г.), а „Сравненіе перевода *Одиссеи* Жуковскаго съ подлинникомъ, на основаніи разбора 9-й рапсодіи“ въ *Отечественныхъ Запискахъ* (т. LXIII, 1849 г., № 3). Это уже— плоды зрѣлой и отчетливой мысли, основательной и систематической работы надъ научнымъ матеріаломъ и источниками, строгихъ критическихъ приѣмовъ, однимъ словомъ истинно-ученаго отношенія къ дѣлу и вдумчиваго изслѣдованія. По справедливому замѣчанію современника, первый изъ этихъ трудовъ доказываетъ, „какъ, подъ руководствомъ опытнаго и ученаго наставника, воспитанники Педагогическаго института приучаются изслѣдовать по источникамъ и излагать сообразно съ достоинствомъ содержанія важные вопросы отечественной исторіи“. Въ этой юношеской, но уже солидной работѣ проглядываетъ неподдѣльное увлеченіе предметомъ, искреннее патриотическое чувство и уже вполне сознательное и опредѣленное воззрѣніе на устои русской государственности, на основныя черты характера русскаго народа. Въ той же мѣрѣ обнаруживаетъ ученую подготовку автора и выдающееся его критическое чутье другая его студенческая работа о переводѣ *Одиссеи* Жуковскаго, написанная, очевидно, по внушенію и подъ наблюденіемъ профессора греческой словесности Ф. В. Грефе, благотворное вліяніе котораго Николай Алексѣевичъ вообще всегда очень цѣнилъ. Здѣсь выказалось большое умѣнье трактовать ученую тему, разобраться въ ней, строго и систематически развить ее; вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается основательное знаніе предмета, большая начитанность и прекрасное, топкое пониманіе греческаго языка подлинника. Въ этомъ разборѣ критикъ отдастъ справедливость всѣмъ достоинствамъ перевода Жуковскаго, но не закрываетъ глаза на его недостатки, подвергая многое въ немъ строгой критикѣ.

Надо думать, что раннее пристрастіе Лавровскаго къ греческому языку и литературѣ и основательное знакомство съ греческимъ міромъ способствовали обращенію его ученой пытливости къ опредѣленію греческаго, или собственно византійскаго вліянія въ древней русской исторіи, въ памятникахъ нашей письменной древности и ихъ языкѣ,

въ старинной русской литературѣ. Такое направленіе въ русскихъ изученіяхъ было тогда новостью, и потому обусловленный имъ выборъ темъ для обѣихъ диссертаций на ученыя степени—свидѣтельство объ исключительномъ ученомъ чутьѣ и проницательности Николая Алексѣевича.

Его магистерская диссертация „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками“ (С.-Пб. 1853 г.) была очень сочувственно встрѣчена учеными специалистами, заявившими, что отъ ея автора русская наука въ правѣ ожидать трудовъ, важныхъ для ея самостоятельныхъ успѣховъ. Дѣйствительно, она представляетъ собою образецъ ученаго изслѣдованія въ смыслѣ тщательной и методичной разработки матеріала и обогатила своими поучительными выводами какъ изученіе русскихъ древностей, такъ и науку исторіи нашего письменнаго языка. Въ ней авторъ съ увлеченіемъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла доказываетъ, что византійское вліяніе обнаруживается явственно во вѣшной формѣ договоровъ, въ построеніи періодовъ и отдѣльныхъ предложеній, въ синтаксическихъ особенностяхъ, во многихъ словахъ и выраженіяхъ. Выясненіе отношенія текстовъ знаменитыхъ русскихъ договоровъ къ недошедшимъ до насъ греческимъ текстамъ—стало прочнымъ достояніемъ науки, послужившимъ точкой отправленія для позднѣйшихъ аналогическихъ изслѣдованій.

Въ томъ же направленіи—выясненія византійской стихіи или основы въ древне-русскомъ культурномъ развитіи обрабатываетъ Николай Алексѣевичъ, и интереснѣйшую тему своей докторской диссертации „О древне-русскихъ училищахъ“ (Харьковъ, 1854), гдѣ впервые имъ трактуется рядъ важныхъ вопросовъ, касающихся условий и успѣховъ образованности нашихъ предковъ. Разумѣется, предметъ далеко не былъ исчерпанъ авторомъ, но онъ проложилъ надежную дорогу другимъ. Въ этомъ трудѣ Николай Алексѣевичъ впервые научно углубился въ предметъ, который былъ ему особенно по душѣ, связываясь съ его рѣдкими педагогическими способностями и смысломъ, и который послужилъ ему излюбленной темой для многихъ послѣдующихъ работъ. Этимъ предметомъ были исторія русскаго просвѣщенія и вопросы педагогика съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней.

Уже тогда Русское отдѣленіе Академіи Наукъ обратило вниманіе на выдающіеся ученые труды Н. А. Лапровскаго, какъ и его брата Петра Алексѣевича, и привлекло ихъ къ своимъ предпріятіямъ.

Въ Отчетѣ отдѣленія за 1854 годъ мы читаемъ, что въ работахъ

по новому изданію Общаго Словаря русскаго языка участвуютъ адъюнкты Харьковскаго университета П. и П. Лавровскіе, занимающіеся обработываніемъ словъ по букву П. Кромѣ того, въ то же время Отдѣленіемъ получены отъ Н. Лавровскаго „Разборъ слова о житіи и преставленіи В. К. Дмитрія Іоанновича“ (оставшіяся, однако, не-напечатаннымъ).

Основавшись въ Харьковскомъ университетѣ и занявъ кафедру русской словесности (1858), Николай Алексѣевичъ всецѣло посвящалъ себя профессорской дѣятельности и ученымъ занятіямъ. За этотъ періодъ своей жизни (1853—1875), до назначенія директоромъ Нѣжинскаго института, онъ принадлежалъ исключительно наукамъ и университету, и къ этому времени относятся всѣ главнѣйшіе его вклады въ русскую ученую литературу, ибо позже, вступивъ на учебно-административное поприще, онъ могъ лишь урывками заниматься своей ученой спеціальностью.

Разносторонняя ученая пылкость въ сферѣ историко-филологическихъ наукъ,—эта черта воспримчиваго, многообъемлющаго ума Николая Алексѣевича, проявившаяся уже въ институтѣ, сказывается и въ послѣдующей его научной дѣятельности. Разнообразие темъ въ его трудахъ бросается въ глаза. Языкъ и древняя письменность, исторія русской литературы—старой и новой, народная словесность, политическая и культурная исторія Россіи, славистика и Византія, исторія русскаго просвѣщенія и учебнаго дѣла, наконецъ, спеціальные вопросы педагогики—попеременно приковывали къ себѣ вниманіе Николая Алексѣевича и увлекали его къ серьезнымъ и самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, такъ что почти въ каждой изъ этихъ областей онъ далъ что-нибудь значительное, упрочившее за нимъ ученую извѣстность, и до нынѣ, несмотря на время и на быстрые успѣхи науки, не утратившее своей цѣны.

Начитанность Николая Алексѣевича во всѣхъ интересовавшихъ его областяхъ была изумительная и можетъ быть объяснена лишь чрезвычайной его любознательностью и необыкновенной памятью. Насколько онъ постоянно жаждалъ новыхъ знаній и стремился къ расширенію своего умственнаго кругозора, видно изъ того, какъ онъ никогда не упускалъ удобнаго случая приобрести новое свѣдѣніе. Въ бытность свою директоромъ Нѣжинскаго института, а потомъ ректоромъ Варшавскаго университета, онъ, пользуясь своимъ служебнымъ правомъ или вѣрнѣе обязанностью, съ истиннымъ наслажденіемъ посѣщалъ лекціи профессоровъ по самымъ разнороднымъ и казалось бы

чуждымъ ему специальностямъ (въ Варшавѣ, напр., на факультетахъ юридическомъ, физико-математическомъ и медицинскомъ). Какъ лицо, близко къ нему стоявшее, я могу засвидѣтельствовать, что онъ это дѣлалъ такъ исправно не столько *ex officio* или въ видахъ какого-либо контроля, сколько изъ присущей его натурѣ неутомимой жажды расширенія своихъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ міропознанія. Помню, какое умственное удовлетвореніе ему доставляли часто чтенія иныхъ профессоровъ по предметамъ ему мало до тѣхъ поръ знакомымъ. Въ послѣдній періодъ его службы (въ Ригѣ) абсолютная невозможность заниматься наукой и даже читать—его глубоко огорчала и приводила въ отчаяніе. Онъ часто на это жаловался въ своихъ письмахъ.

Возвращаясь къ ученой дѣятельности Николая Алексѣевича, замѣтимъ, что всего болѣе и самыя цѣнныя монографіи и статьи написаны имъ по исторіи просвѣщенія и образованія въ Россіи и по исторіи русской словесности старой и новой. Ниже мы приведемъ возможно полный библиографическій перечень его сочиненій; но здѣсь необходимо для характеристики его ученыхъ заслугъ еще отмѣтить нѣкоторыя наиболѣе важныя его работы, хотъ мы и не можемъ входить здѣсь въ болѣе подробное критическое ихъ разсмотрѣніе.

По исторіи учебнаго и воспитательнаго дѣла въ Россіи къ первому труду Николая Алексѣевича о древнихъ русскихъ училищахъ примыкаетъ прежде всего основанная на изученіи первоисточниковъ статья „Памятники стариннаго русскаго воспитанія“ (1861¹⁾), а затѣмъ болѣе раннее интересное изслѣдованіе „О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой“ (Харьковъ, 1856), тема тогда совсѣмъ новая въ нашей литературѣ. Здѣсь авторъ задался цѣлью опредѣлить роль великой государыни въ исторіи нашего воспитательнаго дѣла. Для этого онъ далъ впервые подробный, оставшійся единственнымъ въ своемъ родѣ разборъ сочиненій императрицы, касающихся воспитанія и образованія (Инструкція князю И. И. Салтыкову; Руководства для воспитанія и обученія и проч.). Съ цѣлью справедливой оцѣнки этихъ трудовъ онъ показалъ ихъ отношеніе къ современной русской дѣятельности, прослѣдилъ зависимость возрѣвнѣй Екатерины II отъ педагогическихъ идей, господствовавшихъ тогда (въ XVIII вѣкѣ) въ Европѣ, и выяснилъ тѣмъ самымъ то, что было въ ея взглядахъ—своего, оригинальнаго. И въ этомъ случаѣ выводы, до-

¹⁾ Здѣсь—описание рукописныхъ сборниковъ, хранящихся въ Императорской Публичной бібліотекѣ и касающихся стариннаго русскаго воспитанія.

бытые добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ нашего автора, вошли въ научный оборотъ и стали надолго общимъ достояніемъ. Замѣтимъ тутъ же, что Николай Алексѣевичъ былъ всегда чрезвычайно отзывчивъ и на современные ему педагогическіе вопросы, и перу его принадлежитъ въ этомъ отношеніи цѣлый рядъ статей ¹⁾, отчасти вызванныхъ и официальными порученіями учебной администраціи, въ которыхъ изложены результаты его большой опытности и зоркихъ педагогическихъ наблюденій и которыя и нынѣ, особенно въ виду предлагаемыхъ реформъ, заслуживали бы самаго серіознаго вниманія.

Къ разряду трудовъ Н. А. Лавровскаго по исторіи русскаго просвѣщенія принадлежитъ цѣлый рядъ большихъ и меньшихъ очерковъ и статей, посвященныхъ Харьковскому университету, первоначальной его судьбѣ, В. Н. Каразину и многимъ послѣдующимъ его дѣятелямъ. Обозрѣвая эти труды, новѣйшій историкъ Харьковскаго университета, Д. И. Багалъй, свидѣтельствуетъ, что они „отличаются богатствомъ фактическаго содержанія, осторожностью въ приговорахъ и критическимъ отношеніемъ къ вопросу. Наибольше важное значеніе имѣетъ статья „Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета“, содержащая въ себѣ подробный разсказъ объ основаніи Харьковскаго университета и характеристику первыхъ его профессоровъ“ ²⁾. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о написанномъ уже позднѣе (въ Нѣжинѣ) по новымъ архивнымъ даннымъ содержательномъ очеркѣ „Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко“ (1879) ³⁾.

Съ неменьшею любовью и увлеченіемъ Николай Алексѣевичъ предавался изученію новѣйшихъ періодовъ русской литературы. Впрочемъ, его прекрасная книга „О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ“ равно относится, по предмету своему, и къ излюбленной авторомъ исторіи русскаго просвѣщенія. Николай Алексѣевичъ поспѣшилъ воспользоваться изданнымъ тогда новымъ матеріаломъ для біографіи этого замѣчательнѣйшаго русскаго академика (именно трудами Билярскаго

¹⁾ Напримеръ: „О прусскихъ регулятивахъ 1, 2 и 3 сент. 1854“, то-есть, о постановленіяхъ прусскаго правительства, которыми опредѣлены объемъ, содержаніе и характеръ обученія въ народныхъ школахъ, затѣмъ „По вопросу объ устройствѣ гимназій“, „О духовныхъ семинаріяхъ“ и проч.

²⁾ „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“, см. Записки Импер. Харьк. университета 1893, кн. 2, Лѣтон. Харьк. университета, стр. 2.

³⁾ Онъ вошелъ и въ изданіе (Гербеля): „Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко“, С.-Петб. 1881. Въ свое время онъ былъ рецензированъ нами. (*Новое Время*, 1879, № 1264, 5 сент.).

и Куника) и обогатилъ нашу литературу о Ломоносовѣ чрезвычайно живымъ и поучительнымъ біографическимъ очеркомъ, продолжающимъ даже и теперь занимать видное мѣсто въ значительно разросшейся съ тѣхъ поръ литературѣ о немъ. По весьма вѣрному замѣчанію одного компетентнаго цѣнителя заслугъ Н. А. Лавровскаго, „въ авторѣ этой біографіи на каждой страницѣ проглядываетъ духъ, сродный съ духомъ великаго основателя и законоположника русской науки... При чтеніи этой книги русскій человекъ проникается глубокимъ уваженіемъ и любовью не только къ высокому предмету повѣствованія, но и вообще къ печальникамъ и борцамъ за русское просвѣщеніе, и чувствуетъ въ себѣ подъемъ національнаго духа, національнаго сознанія“¹⁾).

Кромѣ Ломоносова, цѣлый рядъ русскихъ классическихъ писателей, а именно Фонвизинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Пушкинъ и Гоголь послѣдовательно занимали Николая Алексѣевича и нашли въ немъ талантливаго и проницательнаго истолкователя или біографа. Впрочемъ, послѣднимъ двумъ изъ названныхъ писателей посвящены лишь небольшія статьи, вызванныя обстоятельствами и отзывчивостью Николая Алексѣевича на выдающіеся общественные интересы. Гораздо болѣе разностороннее и глубокое обслѣдованіе предмета представляютъ его труды, посвященные Карамзину и особенно Крылову, хотя и ихъ появленіемъ мы обязаны той же отзывчивости автора. Статья „Карамзинъ и его литературная дѣятельность“ (Харьковъ, 1866) есть рѣчь, произнесенная въ Харьковскомъ университетѣ по поводу празднованія столѣтней годовщины рожденія Н. М. Карамзина: представляя въ крупныхъ и живыхъ чертахъ литературную дѣятельность славнаго исторіографа, она обличаетъ авторитетнаго знатока темы. Кстати упомянуть здѣсь и о любопытной его же статьѣ „О сношеніи Н. М. Карамзина съ Харьковскимъ университетомъ“ (1869), описывающей характерный эпизодъ приглашенія исторіографа на должность профессора Харьковскаго университета.

Трудъ Лавровскаго о Крыловѣ вызванъ также юбилейнымъ чествованіемъ (1868 г.). Большая статья „О Крыловѣ и его литературной дѣятельности“ есть плодъ самаго основательнаго и широкаго изученія предмета, и неудивительно поэтому, что и она признана нашими

¹⁾ Некрологъ, пис. А. П. Смирновымъ, *Варшавскій Дневникъ*, № 261, 25-го сентября 1899.

авторитетами замѣчательнымъ вкладомъ въ литературу о великомъ нашемъ баснописцѣ.

Всѣмъ перечисленнымъ далеко еще не исчерпано разнообразіе и богатое содержаніе ученыхъ работъ Николая Алексѣевича. Не имѣя возможности обозрѣть здѣсь все имъ сдѣланное и обращая читателей къ библиографическому списку его трудовъ, мы однакожь не можемъ не упомянуть еще о тѣхъ областяхъ науки, въ которыхъ покойный оставилъ, если не такой глубокой, то все-же замѣтный слѣдъ своими изысканіями. Это, во-первыхъ, памятники русской письменности и старинной литературы, изъ которыхъ многіе привлекли его вниманіе своимъ культурно-историческимъ значеніемъ. Его „Обозрѣніе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ“ (Харьк. 1864) занимаетъ почетное мѣсто въ литературѣ объ этихъ типическихъ памятникахъ книжной старины. Далѣе, не оставлены имъ безъ вниманія и памятники народнаго творчества. Его статья „О петровскихъ пѣсняхъ“, по отзыву компетентнаго судьи ¹⁾, „должна быть признана однимъ изъ лучшихъ изслѣдованій по части нашего позднѣйшаго историческаго эпоса“.

Наконецъ, есть еще область, успѣхи которой, хотя и стояли въ сторонѣ отъ предмета специальныхъ занятій Николая Алексѣевича, но всегда пользовались его особеннымъ вниманіемъ и симпатіями, находя себѣ живой откликъ въ его истинно-русской душѣ и глубокомъ національномъ сознаніи, чему доказательствомъ могутъ служить бѣглые „экскурсы“ его въ эту область. Я разумѣю славистику и такія его статьи, какъ: „Очеркъ жизни и дѣятельности Эрбена“ (1871), „О новомъ чешскомъ переводѣ Слова о полку Игоревѣ“ (1870) и, наконецъ, его статья, равно относящаяся и къ русской исторіи: „Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи“ (1885). Съ неизмѣннымъ интересомъ слѣдилъ онъ всегда за явленіями политической и культурной жизни на славянскомъ западѣ и югѣ, и всякій цѣнный отрядный фактъ въ этой сферѣ возбуждалъ въ немъ живую радость въ той же мѣрѣ, въ какой его искренне печалили обратныя явленія.

Очень понятно, что столь замѣчательная, плодотворная и разносторонняя ученая дѣятельность и внушительная совокупность цѣнныхъ ученыхъ работъ получили вполне заслуженное торжественное признание, когда въ 1890 году Второе отдѣленіе Императорской академіи наукъ (еще въ 1850-хъ годахъ привлекавшее Николая Алексѣевича, къ трудамъ своимъ) избрало Лавровскаго, уже состоявшаго (съ

¹⁾ Л. Н. Майкова (въ Запискѣ объ ученыхъ трудахъ Н. А. Лавровскаго).

1879 г.) его членомъ-корреспондентомъ, въ ординарные академики. Въ Запискѣ о немъ Л. М. Майковъ, характеризуя его научныя заслуги, отмѣчаетъ въ особенности „широкій кругъ ученыхъ интересовъ“, и затѣмъ „богатство данныхъ, принятыхъ въ соображеніе, тщательность обработки, строгость заключеній и ясность изложенія“. Николай Алексѣевичъ, конечно, высоко цѣнилъ оказанное ему отличіе, но—по присущимъ ему скромности и чрезвычайной добросовѣстности—отрицалъ въ себѣ нужныя для этого новаго назначенія внѣшнія условія, будучи главнымъ образомъ удрученъ сознаніемъ, что онъ, всецѣло поглощенный учебно-административной дѣятельностью, не въ состояніи исполнять возлагаемыхъ на него почетнымъ избраніемъ обязанностей и трудиться на пользу науки для академіи. И все-таки онъ, несмотря на все обремененіе службой, по мѣрѣ возможности, старался принять хоть какое-либо участіе въ трудахъ академіи, внимательно и добросовѣстно читая корректуры академическаго Словаря и исполняя нѣкоторые другія порученія Отдѣленія. Но кипучая его дѣятельность по управленію Рижскимъ округомъ рѣшительно не позволяла ему углубляться въ книги и любимыя ученныя занятія.

Харьковскій періодъ жизни Николая Алексѣевича, представляя разцвѣтъ его ученой дѣятельности, заслуживаетъ вниманія и въ другихъ отношеніяхъ, главнымъ образомъ для характеристики его профессорства. Николай Алексѣевичъ былъ образцовымъ преподавателемъ: съ увлеченіемъ и талантливо излагалъ онъ свой предметъ, и какъ этимъ, такъ и своимъ сердечнымъ отношеніемъ, готовностью помочь и поддержать всякаго привлекалъ къ себѣ слушателей. Какъ ко всякому дѣлу, такъ и къ чтенію лекцій относился онъ въ высшей степени добросовѣстно и строго—даже и тогда, когда на первый планъ выступили другіе труды, сложныя и отвѣтственныя обязанности, какъ это было въ Нѣжинѣ и потомъ въ Варшавѣ. Онъ и ставъ ректоромъ, не уклонялся отъ преподавательскаго труда, заставлявшего его выгадывать нужную ему—при извѣстной его строгости къ себѣ—значительную долю времени на приготовленіе къ чтеніямъ и на то, чтобы постоянно слѣдить за успѣхами своей науки и литературой предмета. Судьба привела меня въ эту эпоху (1883—1885) подъ одинъ съ нимъ кровъ, и я, живя и работая рядомъ съ нимъ, въ непрерывномъ духовномъ общеніи, имѣлъ полную возможность оцѣнить его замѣчательное трудолюбіе, безграничную любовь къ своей

наукѣ и великому знанію и необыкновенную строгость и точность въ исполненіи своего долга.

Пробывъ въ Харьковскомъ университетѣ болѣе 20 лѣтъ, Н. А. Лавровскій оставилъ по себѣ тамъ самую свѣтлую и завидную память, какъ выдающійся профессоръ, отличный товарищъ, а съ 1862 года почти безсмѣнный деканъ историко-филологическаго факультета. Нѣтъ ничего преувеличеннаго въ слѣдующей характеристикѣ, сдѣланной профессоромъ Харьковского университета А. С. Лебедевымъ у могилы Николая Алексѣевича: „Его сердечно любило и уважало здѣсь учащееся юношество, какъ отячнаго, полнотою знанія обладавшаго преподавателя, съ любовью относившагося и къ преподаванію, и къ учащимся; любили и высоко цѣнили его и профессора, его товарищи, какъ достойнѣйшаго члена коллегіи. въ особенности ближе знавшіе его товарищи по факультету, для котораго онъ былъ истиннымъ счастьемъ, какъ деканъ факультета. Онъ былъ правдивнымъ средоточіемъ факультета—сила и гордость его. Всегдашнее добродушіе, привѣтливость, благородная прямота и ровность характера, непоколебимая честность, правдивость, неизмѣнная любовь къ человѣку и уваженіе къ личности—вотъ тѣ качества, которыми онъ покорилъ сердца всѣхъ въ Харьковскомъ университетѣ“. Этими же качествами Николай Алексѣевичъ покорялъ сердца и всюду: они хорошо извѣстны и вызвали къ нему единодушныя чувства глубокаго уваженія и преданности и въ Нѣжинѣ, и въ Варшавѣ, и въ Ригѣ.

Дѣятельность Николая Алексѣевича въ Харьковѣ имѣла еще одну сторону, которую нельзя не отмѣтить, тѣмъ болѣе, что она, по видимому, и вызвала его назначеніе въ Нѣжинъ и тѣмъ опредѣлила сферу его дальнѣйшей службы. Это было то живое, дѣятельное участіе, которое онъ постоянно принималъ въ собственно педагогическихъ мѣстныхъ дѣлахъ и начинаніяхъ, въ разработкѣ и обсужденіи учебныхъ и образовательныхъ вопросовъ. Такъ, онъ былъ предсѣдателемъ и непосредственнымъ руководителемъ учительскаго съѣзда въ Харьковѣ, и высокій авторитетъ его въ вопросахъ педагогики признавался всѣми. Интересная книжка „Съѣздъ преподавателей русскаго языка Харьковскаго учебнаго округа“, 1867 г. (какъ прибавленіе къ № 8 циркуляра по Харьковскому учебному округу, 1867 г.) является краснорѣчивымъ памятникомъ его неутомимой дѣятельности въ этой сферѣ. Тогдашній попечитель Харьковскаго учебнаго округа, К. К. Фойхтъ, открывая этотъ съѣздъ, обратился къ

Николаю Алексѣвичу съ такими словами: „въ заключеніе имѣю честь обратиться къ вамъ, достойнѣйшій Николай Алексѣвичъ! Займите предсѣдательское кресло, которое принадлежитъ вамъ не только по праву профессора, но и по тому авторитету, который вы стяжали вашими литературными и педагогическими трудами, по тому довѣрію и уваженію, которыми вы такъ полно, такъ всецѣло пользуетесь въ нашей ученой и учебной семьѣ“. Вслѣдъ затѣмъ Николай Алексѣвичъ сказалъ рѣчь о задачахъ сѣзда.—Онъ же былъ одно время и руководителемъ воскресной школы въ Харьковѣ. Къ тѣмъ же 1860-мъ годамъ относятся и рядъ его статей (въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*) по назрѣвавшимъ у насъ вопросамъ учебнаго дѣла.

Въ 1875 г. Лавровскій былъ призванъ впервые къ серьезной и отвѣтственной учебно-административной дѣятельности, къ преобразованію Нѣжинскаго Лицея князя Безбородко въ Историко-филологическій институтъ и къ директорству въ этомъ послѣднемъ.

Николай Алексѣвичъ обладалъ отъ природы рѣдкимъ педагогическимъ даромъ и тактомъ, которые, при его умѣ и опытности, непоколебимомъ чувствѣ долга, твердомъ характерѣ и вмѣстѣ добродушіи, дѣлали изъ него несравненнаго педагога и руководителя юншества.

Эти способности онъ имѣлъ возможность примѣнить въ полной мѣрѣ на пономъ своемъ посту, и дѣйствительно трудно и представить себѣ болѣе идеальнаго начальника высшаго учебнаго заведенія, чѣмъ какимъ былъ Николай Алексѣвичъ. Онъ въ короткое время прочно организовалъ институтъ, привлекъ въ него прекрасныя молодыя ученые и учебныя силы и довелъ его до высокаго научнаго уровня и блестящаго разцвѣта. Николай Алексѣвичъ обладалъ особеннымъ умѣньемъ сплачивать людей и объединять ихъ силы и труды для достиженія высшей цѣли, умиротворять болѣе задорные и беспокойные элементы, а потому во всѣ корпораціи, въ которыя онъ попадалъ, онъ вносилъ духъ единенія и согласной безкорыстной работы на пользу воспитательнаго дѣла. Сотрудники Лавровскаго въ Нѣжинѣ могутъ вспоминать лишь съ самымъ благодарнымъ чувствомъ о времени его директорства, когда профессора и преподаватели (за немногими исключеніями) съ Николаемъ Алексѣвичемъ во главѣ и учащаяся молодежь составляли одну дружную семью, одушевленную одною общою свѣтлою цѣлью. Никогда не забуду я тѣхъ глубоко-отрадныхъ впечатлѣній, которыя я вынесъ изъ наблюденія отношеній директора къ учащимъ и учащимся, и обратно, про-

гостивъ въ Нѣжинѣ нѣсколько мѣсяцевъ осенью 1878 г. у моего покойнаго брата, бывшаго тамъ профессоромъ.

О томъ, чѣмъ былъ Н. А. Лавровскій для питомцевъ института и вообще для студенчества,—намъ нѣтъ надобности распространяться, ибо объ этомъ достаточно живыхъ и яркихъ свидѣтельствъ его учениковъ, изъ которыхъ многія уже попали въ печать ¹⁾. Въ этихъ отношеніяхъ къ молодежи сказывался именно замѣчательный педагогическій даръ Николая Алексѣевича, соединенный съ высокими качествами души. Можно сказать безъ преувеличенія, что молодые люди, попадавшіе подъ его непосредственное вліяніе, просто благоговѣли передъ нимъ — такое глубокое уваженіе, любовь и довѣріе онъ внушалъ имъ. Николай Алексѣевичъ самъ прошелъ трудную жизненную школу, самъ когда-то испыталъ важность духовной и нравственной поддержки при вступленіи на самостоятельный жизненный путь, а потому съ открытымъ сердцемъ и готовностью на всяческую помощь шелъ онъ на встрѣчу молодымъ людямъ, искавшимъ его совѣта и поддержки. Къ нему въ высшей мѣрѣ можно примѣнить все то, что онъ самъ сказалъ о ректорѣ Харьковскаго университета А. П. Рославскомъ-Петровскомъ въ привѣтственной ему рѣчи ²⁾: „Искренность и теплота чувства, симпатичность, честность, благородство и чистота побужденій и дѣйствій, ровность характера, свѣтлый взглядъ и сильное дарованіе,—вотъ по моему тѣ качества, которыя все вмѣстѣ сложились въ силу, однажды навсегда привязывающую къ вамъ людей, имѣвшихъ случай сойтись съ вами близко, узнать и оцѣнить васъ“. „Навсегда, продолжаетъ онъ далѣе, сохраню я въ своей памяти то чувство, которое я вынесъ отъ васъ послѣ первой бесѣды съ вами. Съ полнымъ незнаніемъ людей и жизни, съ дѣтскимъ довѣріемъ къ людямъ началъ я здѣсь (то-есть, въ Харьковѣ) свои знакомства и въ нихъ заботливо и боязливо искалъ себѣ точки опоры.... Первая бесѣда съ вами дала мнѣ понять, что отношенія съ вами могутъ быть прочны и что въ нихъ должно искать руководства“... Совершенно то же внушалъ своею личностью и Николай Алексѣевичъ при первомъ же съ нимъ знакомствѣ. Надо надѣяться, что столь плодотворная педагогическая его дѣятельность

¹⁾ Напримѣръ, появившіяся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Варшавскомъ Дневникѣ* и проч.

²⁾ *Московскія Вѣдомости*, 1862 г., № 250.

въ Нѣжинѣ и потомъ въ Варшавѣ еще найдеть себѣ умѣлаго избрателя.

Въ 1882 г. Николай Алексѣевичъ, утомленный семилѣтней неустанной работой, вышелъ въ отставку и провелъ годъ въ своемъ любимомъ Кочеткѣ, опять среди книгъ и ученыхъ занятій. Но уже въ 1883 г. онъ былъ вновь призванъ къ еще болѣе трудной и болѣе сложной учебно-административной дѣятельности: онъ былъ назначенъ ректоромъ Варшавскаго университета.

Съ этихъ поръ начинается послѣдняя 16-ти-лѣтняя „окрапная“ эпоха его службы, въ которой административная и педагогическая роль его осложнилась еще элементомъ политическимъ и получила истинно-государственное значеніе.

Тѣ крупныя положительныя результаты, которые были достигнуты Н. А. Лавровскимъ во время семилѣтняго ректорства въ Варшавскомъ университетѣ (до 1890 г.) и затѣмъ въ качествѣ попечителя Рижскаго учебнаго округа, и то всеобщее единодушное признаніе его великихъ заслугъ передъ отечествомъ, которое онъ имѣлъ удовольствіе видѣть въ послѣдніе годы жизни, — доказываютъ, до какой степени Николай Алексѣевичъ оправдалъ выказанное ему довѣріе.

Здѣсь не мѣсто, да и не пришло еще время для подробной оцѣнки дѣятельности Лавровскаго на нашихъ окраинахъ, среди поляковъ и нѣмцевъ, въ трудныхъ условіяхъ непрестанной борьбы и взаимодѣйствія разнообразныхъ партійныхъ вліяній и политическихъ теченій, особенно въ роли преобразователя школы, какъ это было въ Рижскомъ округѣ, но мы однакожъ не можемъ не отмѣтить хоть главныхъ наиболѣе характерныхъ и существенныхъ чертъ его плодотворнаго служенія въ ректорской и попечительской должностяхъ.

Нечего и говорить, что прежде всего истинно-русскія убѣжденія и направленіе Николая Алексѣевича, самоотверженная преданность его національному дѣлу, при прямомъ и ясномъ взглядѣ на вещи, въ значительной мѣрѣ уже обезпечивали успѣхъ его трудамъ по утвержденію и привитію русской учебной системы и проведенію здоровой государственной политики на нашихъ окраинахъ. И тогдашняя высшая административная и учебная власть въ Привислянскомъ краѣ пріобрѣла въ его лицѣ самаго ревностнаго и убѣжденнаго сотрудника въ исполненіи своей программы.

Однакожъ отмѣченныхъ сторонъ его характера и настроенія было еще недостаточно для достиженія тѣхъ результатовъ, которые у насъ на лицо. Для этого нужно было еще что-то, и вотъ тутъ-то и кроется

тайна успѣховъ Николая Алексѣевича и на новомъ для него, трудномъ и щекотливомъ служебномъ поприщѣ.

Дѣло въ томъ, что онъ—какъ на это отчасти уже было указано—обладалъ, во-первыхъ, особеннымъ даромъ управлять людьми, незамѣтно для нихъ самихъ покорять ихъ умъ и сердце, и, во-вторыхъ, чрезвычайною тактичностью во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и въ отношеніяхъ къ людямъ—при всей разности и противоположности ихъ убѣжденій, темпераментовъ и настроеній. Конечно, многое здѣсь объясняется и нравственнымъ строемъ Николая Алексѣевича, придававшимъ всей его личности, его поступкамъ и рѣчамъ такой высокой авторитетъ. Понятно, какъ драгоценны были эти качества въ человѣкѣ, призванномъ проводить русскія государственныя начала и утверждать влияние русской школы среди враждебнаго намъ населенія западныхъ окраинъ. Николай Алексѣевичъ внушалъ не только глубокое уваженіе и довѣріе, но и рѣдко достигающіяся на долю русскаго человѣка симпатіи къ себѣ среди очень многихъ поляковъ и даже прибалтійскаихъ нѣмцевъ, несмотря на то, что всегда одинаково стойко и послѣдовательно, безъ малѣйшихъ существенныхъ уступокъ и колебаній, велъ свою линію и дѣлалъ русское государственное дѣло, столь не нравившееся мѣстнымъ политикамъ.

Какъ ректоръ и предсѣдатель профессорской коллегіи, Н. А. Лавровскій гармонически соединялъ въ себѣ всѣ необходимѣйшія для этого поста достоинства. Онъ въ полной мѣрѣ осуществлялъ собой тотъ идеалъ ректора, который онъ изобразилъ еще въ началѣ своей университетской карьеры—въ рѣчи ¹⁾, сказанной имъ въ честь А. П. Рославскаго-Петровскаго, воплощавшаго — по его свидѣтельству—этотъ идеалъ. Эти слова могли бы быть смѣло обращены и къ нему: „Наконецъ, говоритъ онъ между прочимъ, при оцѣнкѣ ректорской дѣятельности не должно забывать, что положеніе ректора среди ученой коллегіи, гдѣ каждый членъ есть представитель своей науки, требуетъ неизмѣнной ровности характера, безусловнаго безпристрастія, безукоризненной чистоты побужденій и особеннаго такта: оберегая самолюбія и умѣряя порывы, вы направляли совѣщаніе къ цѣли, пользуясь знаніемъ членовъ и охраняя въ то же время взаимныя дружескія отношенія“. Тутъ же онъ выдвигаетъ еще важную черту, именно „терпимость мнѣйшій, позволявшую членамъ совѣта свободно и независимо высказывать свои мысли“... „Было много

¹⁾ См. выше (*Московскія Видомости*, 1862, № 250).

случаевъ, когда совѣтскія пренія, или по близости интересовъ къ дѣлу или по рѣзкому разлічію мнѣній, принимали слишкомъ горячій характеръ: ваша просвѣщенная терпимость мнѣній научала насъ выдѣлять личный элементъ отъ содержанія преній“.

Думаемъ, что сослуживцы Николая Алексѣевича по Нѣжинскому институту и особенно Варшавскому университету единодушно согласятся, что въ этихъ словахъ онъ невольно охарактеризовалъ и самого себя.

Самъ онъ въ высшей степени скромно смотрѣлъ на свои заслуги, и въ этомъ отношеніи характерно его сужденіе, выраженное въ прекрасныхъ словахъ, сказанныхъ имъ при прощаніи съ варшавскими профессорами: „Моя обязанность въ совѣтѣ, состоявшемъ почти изъ 60 членовъ, была—давать общее направленіе сужденіямъ, приводить частное къ цѣлому. разнообразіе къ единству,—и по исполненію этой обязанности я могу признать за собой одну заслугу—объективнаго и спокойнаго отношенія къ дѣлу и къ лицамъ, его обсуждавшимъ, и искренняго желанія всячески содѣйствовать цѣлесообразному рѣшенію дѣла. Мнѣ казалось, что это сознавалось и цѣнилось въ совѣтѣ, утверждало взаимное довѣріе и располагало къ общему мирному настроенію. Но это—черта моего нрава, характера, темперамента, природенная или благопріобрѣтенная, черта удобная,—мнѣ однако ничего не стоившая, не требовавшая отъ меня ни большихъ заботъ, ни большихъ усилій, а потому и едва-ли вмѣняемая въ заслугу. Мнѣ припоминается, что въ очень стародавнее время, „когда легковѣренъ и молодъ я былъ“, я съ большимъ оживленіемъ принималъ участіе въ бурныхъ засѣданіяхъ совѣта, горячо отстаивалъ личное свое мнѣніе и, будучи деканомъ, опредѣленія факультета; но и тогда это возбужденіе и горячность были чужды личнаго характера, не вліяли на мои личныя отношенія, и я, по выходѣ изъ зала совѣта, оставался такимъ же, какимъ въ него вошелъ“.

Съ тяжелымъ чувствомъ разставался Варшавскій университетъ съ своимъ любимымъ ректоромъ¹⁾, и утѣшеніемъ служило лишь сознаніе, что русское образовательное и государственное дѣло въ такъ-называемыхъ остзейскихъ губерніяхъ попадало въ столь надежныя и опытыя руки. О томъ, какъ трогательно провожали варшавскіе студенты

¹⁾ Эти искреннія сожалѣнія высказаны были при первомъ извѣстіи о новомъ назначеніи Николая Алексѣевича—въ засѣданіи совѣта 28-го августа 1890 года деканомъ П. И. Сопинимъ. См. *Варшавскія Университетскія Извѣстія*, 1891, № 2, извлеч. изъ Протокол., ст. 55.

своего дорогого учителя и наставника, своего „дѣдушку“, какъ они его называли, было уже разсказано въ печати ¹⁾, и воспоминаніе объ этомъ еще свѣжо въ Варшавѣ ²⁾.

Энергическая и благотворная дѣятельность Николая Алексѣевича въ Ригѣ, куда онъ былъ назначенъ попечителемъ округа въ 1890 г., у всѣхъ на памяти. Здѣсь его дарованіи и обрисованныя уже свойства души и характера нашли себѣ еще болѣе широкое при мѣненіе, и исторіи предстоитъ выяснитъ и оцѣнить все то, что онъ сдѣлалъ для торжества русской государственной идеи и для культурнаго объединенія этой окраины съ Россіей за эти 9 лѣтъ своего служенія,—все то добро, которое онъ посѣялъ своимъ справедливымъ, гуманнымъ и теплымъ участіемъ ко всѣмъ въ немъ нуждавшимся, безъ различія національности и положенія въ свѣтѣ. Отзывы нашей печати по поводу его кончины свидѣтельствуютъ о томъ, что великія заслуги его, какъ попечителя Рижскаго учебнаго округа и мудраго исполнителя Высочайше начертанныхъ преобразованій въ тамошней школѣ, нашли уже себѣ справедливую оцѣнку въ русскомъ обществѣ и стали отнынѣ достояніемъ исторіи.

Высоко-полезная дѣятельность Николая Алексѣевича на всѣхъ этапахъ его службы была всегда чрезвычайно цѣнима лицами, стоявшими во главѣ нашего народнаго просвѣщенія, начиная съ графа Д. А. Толстого, призвавшаго его къ учебно-административной дѣятельности (въ 1875 г.). Особенное же довѣріе и сердечное расположеніе оказывалъ ему покойный министръ графъ И. Д. Деляновъ, всегда умѣвшій чтить и отличать истинныя нравственныя достоинства въ людяхъ. И Николай Алексѣевичъ искренно цѣнилъ это благоволящее отношеніе къ нему. Но всего болѣе утѣшило его нѣсколько лѣтъ тому назадъ признаніе пользы его трудовъ со стороны верховной власти. Переданная ему въ концѣ 1893 г. Высочайшая благодарность *„за энергическое, но достаточно осторожное продолженіе реформы и разумное ея примѣненіе“* его видимо очень ободрила. „Мнѣ очень пріятна эта благодарность, пишетъ онъ въ письмѣ къ намъ

¹⁾ *Варшавскій Дневникъ*, № 264, 28-го сентября 1899 г.

²⁾ Къ характеристикѣ отношеній Николая Алексѣевича къ университетской молодежи и его педагогическихъ взглядовъ могутъ служить между прочимъ ежегодныя актыныя рѣчи, произнесенныя въ Варшавѣ (1884 — 1890, см. „Варш. Универс. Извѣстія“), въ которыхъ находимъ всегда самыя сердечныя и теплыя обращенія къ студентамъ, полныя добрыхъ совѣтовъ и увѣщаній.

отъ 24-го января (1894 г.), такъ какъ она служитъ признаніемъ пользы моей здѣлшней дѣятельности въ теченіе 3¹/₂ лѣтъ“.

Однакожь непрерывная въ продолженіе многихъ лѣтъ (съ краткимъ лѣтнимъ отдыхомъ) неутомимая работа по дѣлу преобразованія школъ и учебныхъ порядковъ, по составленію проектовъ, записокъ и отчетовъ, по управленію округомъ, сопряженная съ частыми и продолжительными поѣздками по округу и осложняемая постоянной борьбой съ противными теченіями и ухищреніями бюрократовъ, старавшихся и въ Петербургѣ всячески противодѣйствовать ходу реформы, до крайности утомляла и подрывала силы и здоровье Николая Алексѣевича ¹⁾, которому въ 1895 г. стукнуло уже 70 лѣтъ.

Съ этой поры здоровье его сильно пошатнулось: онъ начинаетъ часто жаловаться на упадокъ силъ, непосильную тяжесть своей службы, слесей, по его выраженію, „колотырной“ жизни, и мечтать объ отдыхѣ. Въ письмахъ его слѣдующихъ 1896 и 1897 годовъ все чаще встрѣчается этотъ мотивъ. Еще осенью 1895 г. онъ жалуется на „избытокъ и непрерывность дѣлъ, не дающіе возможности отдохнуть не то что на книгѣ, но и на журналѣ и газетѣ,—и все въ непрерывной борьбѣ съ нѣмцами“. Хоть онъ и былъ увлеченъ своимъ важнымъ дѣломъ и радовался достигнутымъ результатамъ, но невозможность свободно вздохнуть отъ массы официальныхъ дѣлъ и канцелярскихъ бумагъ заставляла его часто вспоминать прежнюю университетскую дѣятельность и среду, и онъ всегда былъ счастливъ поддерживать общенію съ этой средой. По поводу бывшаго въ Ригѣ въ 1896 г. археологическаго съѣзда онъ писалъ намъ отъ 19-го октября: „Мнѣ весьма пріятно было познакомиться на съѣздѣ со многими прекрасными профессорами и подышать тѣмъ вольнымъ профессорскимъ воздухомъ, къ которому привыкъ и котораго лишень въ нѣмечинѣ“.

Печатавъ въ это время „Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, я посылалъ ему правильно вновь отпечатанные листы и просилъ его замѣчаній. Не смотря на всю подавляющую массу работы, онъ все-таки находилъ время внимательно прочитывать эти листы, наслаждался этимъ чтеніемъ и дѣйствительно изрѣдка сообщалъ свои всегда любознательныя замѣтки, хотя и ворчалъ, что „нѣтъ мнѣ ника-

¹⁾ Въ эту пору Николай Алексѣевичъ не разъ былъ назначаемъ председателемъ историко-филологической экзаменаціонной коммисіи въ Петербургскомъ университетѣ, и въ этой должности заслужилъ также всеобщее уваженіе и сочувствіе.

кой возможности обернуться хоть на минуту въ сторону,—такъ все и будетъ, пока не покончу съ настоящимъ положеніемъ, о чемъ продолжаю мечтать... Дѣлаю только для себя отмѣтки любопытныхъ мѣстъ на всякій случай“. „Какая прелесть эта переписка“, восклицаетъ онъ въ другомъ письмѣ (18-го марта 1896 г.). „Какъ негодуешь на службу и кабалу. Когда дождусь свободы!...“.

Въ 1897 г. Николай Алексѣевичъ еще настойчивѣе возвращается къ мысли о необходимости полнаго отдыха отъ службы, становящейся не подъ силу. Въ январѣ онъ пишетъ: „Кое-чего удалось достигнуть, но какъ трудно все дѣлается! Последнее объясняется усиленной контра-работой нѣмцевъ въ Петербургѣ“; а въ февралѣ замѣчаетъ, что „все склоняетъ къ рѣшенію поскорѣе отдѣлаться отъ этой борьбы. Будетъ на мой вѣкъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно чувствуешь значительный упадокъ силъ“. При всемъ томъ не легко было Николаю Алексѣевичу принять такое рѣшеніе, при своейственной ему чертѣ—привязываться ко взятому на себя дѣлу, впагая въ него всю свою душу. Но обострившіяся и часто возвращавшіяся въ послѣдніе два года болѣзненные явленія, а особенно болѣзнь, переносимая въ концѣ 1898 и началѣ 1899 г., привели его къ рѣшительному намѣренію „совсѣмъ удалиться въ Кочетокъ, потому что трудно уже рассчитывать на основательную поправку, а служить въ такомъ состояніи невозможно“... А тутъ еще подошли прискорбныя студенческія волненія, которыя чрезвычайно его разстроили. Да и понятно, какъ тяжело было быть безпомощнымъ зрителемъ всего этого человѣку, который всю свою жизнь съ чрезвычайнымъ успѣхомъ руководилъ учащеюся молодежью и пользовался у нея безусловнымъ авторитетомъ, неограниченнымъ довѣріемъ и любовью... „Ожидаю съ нетерпѣніемъ лѣта, писалъ онъ, а съ нимъ, вѣроятно, и свободы. Пора стать простымъ обывателемъ, хоть на короткое время“...

Разразившееся надъ Николаемъ Алексѣевичемъ прошлой весной семейное горе, смерть его зятя, профессора П. П. Грота, послужило послѣднимъ толчкомъ къ осуществленію его стремленія обратиться на свободу, и вотъ нынѣшнею осенью онъ, все-таки послѣ нѣкоторыхъ колебаній, свидѣтельствующихъ о самоотверженной любви его къ своему дѣлу, наконецъ (уже въ августѣ мѣсяцѣ) подалъ въ отставку.

Но не суждено ему было воспользоваться своей свободой даже короткое время... Подтачивавшій его силы недугъ, очевидно, уже до-

стигъ той степенн, когда и спокойная жизнь и отсутствіе волненій не могли уже помочь, хотя въ общемъ онъ казался еще довольно бодрымъ. Не успѣвъ еще переѣхать въ городъ (Харьковъ), гдѣ ему уже нанята была квартира, опъ 18-го сентября тихо скончался въ с. Кочеткѣ. немного не достигнувъ 74-хъ лѣтняго возраста.

Въ лицѣ Н. А. Лавровскаго русское общество лишилось не только замѣчательнаго дѣятеля, педагога и ученаго, по и необыкновенно добраго, сердечнаго и глубоко-симпатичнаго человѣка, всегда готоваго на доброе дѣло, на помощь и поддержку всѣхъ, кто къ нему обращался въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и кого онъ считалъ заслуживающимъ участія и поощренія. Будучи чрезвычайно скромнъ и непритязателенъ и врагомъ всего показнаго и бьющаго на вѣшнй эффектъ, онъ не любилъ свѣта и свѣтскихъ отношеній, никогда не стремился выдаваться и блистать въ обществѣ, но не смотря на то—благодаря своему веселому, общительному нраву, своему радушію и всегда благоволяющему отношенію къ людямъ, наконецъ своему живому, свѣтлому уму и отзывчивости—онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ и испольно становился душою общества.

Въ его гостепримномъ домѣ, въ живой, откровенной и поучительной бесѣдѣ съ этимъ просвѣщеннѣйшимъ и правдивно-чистымъ человекомъ всѣ, и товарищи, и сослуживцы, и подчиненные, и вообще всякій къ нему приходившій почерналъ всегда новый запасъ нравственныхъ силъ, душевной энергіи и бодрости для своей дѣятельности, для борьбы съ превратностями жизни, для стойкаго и честнаго служенія своей родинѣ и своимъ высшимъ идеаламъ.

Николай Алексѣевичъ оставилъ не мало учениковъ среди дѣйствующихъ нынѣ на разныхъ поприщахъ поколѣній русскихъ людей. У него было много преданныхъ ему почитателей и поклонниковъ его дарованій, знаній и душевныхъ качествъ. И теперь уже, какъ слышно, нѣкоторые изъ нихъ набрасываютъ воспоминанія о немъ, въ Харьковѣ и Шининѣ задумываются, какъ слышно, сборники статей, посвященныхъ его характеристикѣ. Будемъ же надѣяться, что жизнь и дѣятельность его будутъ кѣмъ-нибудь описаны болѣе подробно—въ интересахъ исторіи русскаго просвѣщенія, въ которой ему принадлежитъ такое видное мѣсто, и въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ русскихъ дѣятелей. Наилучшимъ же памятникомъ ему было бы полное изданіе всѣхъ его трудовъ и статей, изъ которыхъ многіе составляютъ уже библиографическую рѣдкость, а другіе разбросаны по разнымъ періо-

дическимъ изданіямъ и почти недоступны большинству читателей. Мы не такъ ужъ богаты подобными высоко-цѣнными учено-литературными наследіями, чтобы оставлять ихъ подъ спудомъ и въ пренебреженіи.

Ж. Гротъ.

ПЕРЕЧЕНЬ СОЧИНЕНІЙ И СТАТЕЙ

Н. А. Лавровскаго ¹⁾.

1. Сравненіе перевода „Одиссея“ Жуковскаго съ подлинникомъ, на основаніи разбора 9-й рапсодіи.
Отечественныя Записки 1849, № 3, т. 63.
2. Избраніе Михаила Федоровича на царство.
Опытъ историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго педагогическаго института, С.-Пб. 1852.
3. О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками. С.-Пб. 1853.
4. О древне-русскихъ училищахъ. Харьковъ 1854.
5. Разборъ слова о житіи и преставленіи великаго князя Дмитрія Іоанновича. Не напечатано. См. *Извѣстія Императорской Академіи Наукъ*, по отдѣл. русскаго языка и словесности, т. IV.
6. О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой, Харьковъ 1856.
7. Русскій языкъ въ областныхъ нарѣчіяхъ.
Москвитинъ 1856, т. IV.
8. О прусскихъ регулятивахъ 1, 2 и 3 сентября 1854 года.
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1858, ч. 97, двѣ статьи.

¹⁾ Перечни, помѣщенные въ „Запискѣ“ Л. П. Майкова, а также въ Некрологѣ (В. Е. Рудакова)—въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ ноябрь, 1899, еще допущены нами, но и сюда не вошли нѣкоторые мелкія статьи Н. А., которыя онъ помѣщалъ, напримѣръ, въ газетахъ („Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и пр.).

9. Ментенонъ, ея сочиненія и педагогическая дѣятельность до основаніи Сень-Сира.
Русское Слово 1859, № 10.
10. Забѣтка о словѣ Севріа въ апокрифическомъ сказаніи объ Адамѣ.
Московскія Вѣдомости 1861, № 24.
11. Памятники стариннаго русскаго воспитанія.
Чтенія въ Обществѣ исторіи и древн. російск. при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 1861, кн. III.
12. О педагогическихъ бесѣдахъ въ уѣздныхъ училищахъ.
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1861, ч. 110.
13. Объ осмотрѣ пшанихъ учебныхъ заведеній директорами училищъ.
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1861, ч. 110.
14. Повѣсть о чудотворномъ образѣ Богородицы, находившемся въ Выдропускѣ.
Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. С. Тихонравовымъ, кн. IV, М. 1862.
15. Рѣчь о заслугахъ ректора Харьковскаго университета А. П. Рославскаго-Петровскаго.
Московскія Вѣдомости 1862, № 250.
16. Миѣніе о преподаваніи новаго періода русской литературы.
Циркуляръ по Харьковскому учебному округу 1863, №№ 11 и 12.
17. Обзорѣніе учительскихъ съѣздовъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ.
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1863, чч. 117 и 118, двѣ статьи.
18. По поводу преобразования духовныхъ семинарій.
С.-Петербургскія Вѣдомости 1863, №№ 166 и 167.
19. Обзорѣніе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ. Харьковъ 1864.
Духовный Вѣстникъ 1864 г., т. IX, и отд. оттиски.
20. Нѣсколько словъ о Ломоносовѣ.
Памяти Ломоносова, 6-ю апрѣля 1865. Харьковъ 1865.
21. О трудахъ Ломоносова по грамматикѣ русскаго языка и по русской исторіи.
Тамъ же.
22. О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ. Харьковъ 1865.

23. Карамзинъ и его литературная дѣятельность. Харьковъ 1861.
Рѣчь, произнесенная въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, 1-го декабря 1866 г.
24. Зернинъ. Рѣчь при его погребеніи.
Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1866, № 73.
25. По вопросу объ устройствѣ гимназій.
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1867, ч. 136.
26. Вступительная рѣчь и заключительное слово на сѣздѣ учителей русскаго языка въ Харьковѣ.
Сѣздъ преподавателей русскаго языка Харьковскаго учебнаго округа. Харьковъ 1867, Прибавленіе къ Циркуляру № 8, по Харьковскому учебному округу 1867.
27. О Крыловѣ и его литературной дѣятельности.
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1867, ч. 136.
28. О русской народной поэзіи. Публичная лекція въ Харьковѣ. Воронежъ 1868.
Отдѣльный оттискъ изъ Филологическихъ Записокъ 1868, № 2, т. VII.
29. М. Д. Делярю.
Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1868, № 26 и 27.
30. Замѣчанія о первоначальной исторіи Харьковскаго университета.
Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1869, № 26 и 27.
31. Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета.
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1869, ч. 145.
32. Педагогъ прошлаго времени (А. А. Дюгуровъ).
Русскій Архивъ, 1869, № 9.
33. О сношеніи Н. М. Карамзина съ Харьковскимъ университетомъ.
Русскій Архивъ, 1869, № 12.
34. О новомъ чешскомъ переводѣ Слова о полку Игоревѣ (Эрбена).
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1870, ч. 151.
35. Очеркъ жизни и дѣятельности К. Я. Ербена.
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1871, ч. 154.
36. Къ біографіи Фовъ-Визина.
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1872, ч. 160.

37. Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета.
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1872, ч. 159.
38. О Петровскихъ пѣсняхъ. Воронежъ 1872.
Отдѣльный оттискъ изъ *Филологическихъ Записокъ* 1872, т. XI.
39. Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета.
Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ при Импер. Москов. университетѣ 1873, кн. II.
40. „Опытъ русской исторіи“ Рейта.
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1873, ч. 165.
41. Воспоминаніе о В. П. Каразинѣ.
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1873, ч. 165.
42. Замѣчаніе о гирѣ Константина Багрянороднаго.
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1873, ч. 166.
43. Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. Кіевъ 1877.
Отдѣльный оттискъ изъ *Извѣстій историко-филологическаго института* кн. Безбородко 1877, кн. I.
44. Рѣчь на актѣ историко-филологическаго института кн. Безбородко, 30-го августа 1877 года.
Извѣстія историко-филологическаго института кн. Безбородко, 1878, т. II.
45. Рѣчь на актѣ тамъ же, 30-го августа 1878.
Извѣстія историко-филологическаго института кн. Безбородко 1879, т. III.
46. Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ 1820 — 1832.
Извѣстія историко-филологическаго института кн. Безбородко 1879, т. III; отд. отт. и въ изд. Гербеля.
47. Рѣчь на актѣ тамъ же, 30-го августа 1879 года.
Извѣстія 1880, т. V.
48. Къ бібліографіи Н. В. Гоголя. Рѣчь по поводу открытія памятника Гоголю въ Нѣжинѣ.
Извѣстія 1881, т. VI.
- 49—51. М. В. Вилевичъ. Н. Г. Бѣлоусовъ, X. Н. Геронесъ (біографическіе очерки).

Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко (Н. Гербеля),
2-е изд. С.-Пб. 1881.

52—57. Рѣчи, произнесенныя на торжественныхъ актахъ Императорскаго Варшавскаго университета 30-го августа 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1890 г. (6 рѣчей).

Варшавскія университетскія извѣстія 1884, № 9; 1885, № 9; 1886, № 6; 1887, № 6; 1888, № 6; 1890, № 6.

58. Кириллъ и Меодій и начало христіанства въ Россіи.

Меодіевскій юбилейный сборникъ, изд. Императорскимъ Варшавскимъ университетомъ. Варшава 1885.

59. Изъ семьи и школы А. С. Пушкина. Рѣчь въ торжественномъ собраніи Варшавскаго университета, 1-го февраля, по поводу пятидесятилѣтія со дня смерти Пушкина.

Отдѣльный оттискъ изъ *Варшавскаго Дневника*, 1887, №№ 29, 30 и 31.

из. Г.